

3. ЕДИНСТВЕННЫЙ

Дохристианская и христианская эпохи преследуют противоположные цели; первая хочет идеализировать реальное, вторая — реализовать "идеальное, первая ищет «святой дух», вторая — «одухотворенную плоть». Поэтому первая заканчивается бесчувственностью к реальному, «презрением к миру», вторая — «презрением к духу».

Противоположность реального и идеального непримирима, и одно никогда не может сделаться другим: если бы идеальное сделалось реальным, то оно не было бы более идеальным, а если бы реальное сделалось идеальным, то существовало бы только идеальное, а реального вовсе не было бы. Противоречие между ними можно преодолеть только тогда, когда уничтожат и то, и другое. Только в этом третьем, в том, что уничтожит, может наступить конец этой противоположности: иначе идея и реальность никогда не сольются друг с другом. Идея не может быть реализована так, чтобы она осталась идеей, а реализуется только тогда, когда она мертва как идея; то же относится и к реальному.

Таким образом, древние являются приверженцами идеи, люди же нового времени — приверженцами реальности. Ни те, ни другие не освобождаются от противоречий; древние тянулись к духу, а когда казалось, что это стремление древнего мира удовлетворено и дух явился, то «новые» принялись сейчас же за реализацию этого духа, которая так-таки и осталась для них «благочестивым желанием».

Благочестивым желанием древних была святость, благочестивым желанием новых — телесность. Но точно так же, как должен был погибнуть древний мир, когда его тоска была бы удовлетворена, точно так же в пределах кольца христианства никогда не может дойти до телесности. Как через весь древний мир проходит стремление к святости или очищению (омовению и т. д.), так и через христианский — стремление к реализации телесного: Бог входит в этот мир, становится плотью и хочет его искупить, то есть наполнить собой; но так как он — «идея» или «дух», то в конце концов идею вводят (как Гегель, например) во все, в мир и доказывают, «что идея, разум находятся во всем». Тому, что языческие стоики выставляли, как «мудреца», соответствует в современной культуре «человек», и тот, и другой — бестелесные существа. Недействительный «мудрец», этот бестелесный «святой» стоиков, стал реальной личностью, телесным «святым» в Боге, ставшем плотью; недействительный «человек», телесное я станет реальностью в телесном я, во мне.

По всему христианству проходит вопрос о «бытии Божьем», который, повторяясь вновь и вновь, доказывает, что стремление к бытию, телесности, личности, действительности беспрестанно занимало ум и сердца людей, ибо никогда не находило оно удовлетворительного разрешения. Наконец, вопрос о бытии Божьем пал для того, чтобы воскреснуть в положении, что существует «божественное» (Фейербах). Но и оно не имеет бытия, и последнее убежище реализации «чисто человеческого» недолго продержится в безопасности. Ни одна идея не имеет бытия, ибо ни одна не способна к телесности.

Схоластический спор реализма и номинализма имеет то же содержание; короче, этот спор проходит через всю христианскую историю и не может в ней закончиться.

Христианский мир стремится к тому, чтобы реализовать идеи во всех жизненных отношениях и обстоятельствах, в институтах и законах церкви и государства; но они сопротивляются этому и всегда сохраняют в себе нечто бестелесное (нереализующееся). С какой ревностью стараются дать им телесность, хотя никогда не будет достигнута полная реализация!

Реализующему мало дела до реальностей: все для него в том, чтобы они были осуществлением идеи, поэтому он вечно исследует, действительно ли находится в осуществленном идея, ядро ее, и реализована ли она так, как он предполагает возможным, или же он представлял себе идею неправильно, а потому невозможной для реализации.

Семья, государство и т. д., фактически существующие, мало интересуют христианина; христиане не должны, как древние, жертвовать собой ради этих «божественных вещей», они должны пользоваться последними, чтобы одухотворить их. Действительная семья для них безразлична, но из нее должна произойти идеальная семья, которая поэтому и была бы «истинно реальной», святой, благословенной Богом, или, выражаясь языком либералов, «разумной». Для древних семья, государство, отечество и т. д. божественны, как нечто существующее; для новых они ждут только обожествления, а как существующее они греховные, земные и должны сначала быть «искупленными», т. е. стать истинно реальными. Это имеет следующий смысл: не семья и т. д. — существующее и реальное, а божественное, идея — вот что существует, что реально; станет ли эта семья реальной благодаря тому, что она проявилась истинно реальным, идеей, конечно, еще большой вопрос. Задачей единичной личности не является служение семье как божественному, наоборот, задача заключается в служении божественному, в том, чтобы подчинить ему семью, то есть подчинить ему все во имя идеи, утверждать всюду знамя идеи, сделать идею реальной действительностью.

Но так как и для христианства, и для древности все дело в божественном, то, идя противоположными путями, они всегда приходят к этому. В конце язычества божественное становится внемировым, в конце христианства он входит внутрь мира. Поставить его совершенно вне мира не удалось древности, и когда эту задачу исполнило христианство, то божественное сейчас же затосковало по миру и захотело «искупить» его. Но в пределах христианства нельзя достигнуть того, чтобы божественное, будучи внутри мира, само сделалось мировым: еще остается достаточно «злого», неразумного, случайного, «эгоистичного», в худшем смысле слова, «мирского», что не может быть им проникнуто и действительно им и не проникается. Христианство начинается с того, что Бог становится человеком, и оно совершает свое дело обращения и искупления для того, чтобы уготовить Богу обитель во всяком человеке и во всем человеческом и все пропитать духом; оно работает для того, чтобы уготовить обитель «духу».

Если, в конце концов, особенно настаивали на отвлеченном человеке или на человечестве, то опять-таки это была идея, которую «увечивали»: «человек не умирает!» Когда-то казалось, что нашли реальность идеи; человек как таковой — я истории, мировой истории,

он, этот идеал,— вот кто действительно развивается, то есть реализуется. Он — истинно реальное, телесное, ибо история — его тело, единичные же личности только члены его. Христос — я мировой истории, даже и дохристианской; по современным воззрениям, человек — это я, и образ Христа развился в образ человека: человек как таковой — вот «центр» истории. В Человеке воскреснет воображаемое начало, ибо Человек так же воображаем, как и Христос. Человек, как я всемирной истории, завершает цикл христианского мировоззрения.

Волшебный круг христианства был бы нарушен, если бы исчезло противоречие между существованием и призванием, то есть между мной, каков я есть, и мной, каким я должен быть. Оно существует только в виде тоски идеи по своей реализации и исчезает вместе с этим разделением; только тогда, когда идея остается идеей (а человек и человечество — только нереализованная идея), существует еще христианство. Реализованная идея, телесный или «совершенный» дух, витает перед глазами христианина, как «конец времен» или как «цель истории»; в настоящем она не существует для него.

Единичная личность может только принять участие в создании царства Божьего на земле, или, выражаясь современным стилем, в развитии истории человечества, и только поскольку принимает участие в нем, постольку имеет христианскую, или, по современной терминологии, человеческую ценность; во всем остальном она — пыль и прах.

Что единичная личность в своей жизни и своем развитии является сама для себя всемирной историей и что вся остальная история — ее собственность, это уже выходит за пределы христианского мировоззрения. Для христианина наивысшее — всемирная история, ибо для него она является историей Христа или «человека»; для эгоиста же только его история имеет ценность, ибо он стремится развить только себя, а не идею человечества, не план Бога, не намерения Провидения, не свободу и т. п. Он не считает себя орудием идеи или сосудом Господа, он не признает никаких призваний, он не бредит тем, что существует для продолжения и развития человеческого рода,— он живет своей жизнью, расточает ее, не заботясь о том, принесет ли это пользу человечеству. Я бы напомнил здесь о «Трех цыганах» Ленау⁹⁴, если бы это не могло стать источником недоразумения: могут ведь подумать, будто я превозношу возвращение к естественному состоянию. Как я, значит, живу на свете, чтобы осуществлять какие-то идеи? Чтобы содействовать осуществлению «идеи государства» своею лояльностью или «идеи семьи» — браком, как супруг и отец? Что мне за дело до подобных призваний! Я не живу ни по какому призванию, как цветок, который растет и распускается, не исполняя никакого «долга».

Идеал — Человек реализован, когда христианское мировоззрение преобразуется и будет признано следующее положение: «я» — это единственный «человек». Тогда вопрос: «Что такое человек?» превращается в вопрос личный: «Что есть человек?» На вопрос «что» ищут понятия, чтобы его осуществить — вопрос же «кто» вообще уже не вопрос, ибо ответ уже покоится в личности вопрошающего; ответ дан уже самим вопросом.

О Боге говорят: «Имен для тебя нет». Но это справедливо для меня: ни одно понятие не может меня выразить, ничто, что преподносится мне как моя «сущность», не исчерпывает меня; все это только слова и названия. О Боге говорят также, что он совершенен и не имеет

никаких призваний стремиться к совершенству. Но и это относится только ко мне.

Я — собственник своей мощи и только тогда становлюсь таковым, когда сознаю себя Единственным. В Единственном даже собственник возвращается в свое творческое ничто, из которого он вышел. Всякое высшее существо надо мной, будь то Бог или человек, ослабляет чувство моей единичности, и только под ослепительными лучами солнца этого сознания бледнеет оно. Если я строю свое дело на себе, Единственном, тогда оно покоится на преходящем, смертном творце, который сам себя разрушает, и я могу сказать:

«Ничто — вот на чем я построил свое дело».

Версия #1

Зверобой создал 5 апреля 2025 20:04:32

Зверобой обновил 5 апреля 2025 20:08:14